

Августѣйшей Семьи Его! Да радуются духовно о Царѣ Своемъ и всѣ притекающіе сюда для молитвы и слышанія Слова Божія и да сбывается на нихъ обильно и разнообразно Христово изреченіе: блаженни слышашіе Слово Божіе и хранящіе его, т. е. исполняющіе его, поступающіе согласно съ ученіемъ Господа, Ему же честь и слава съ Пречистою Матеріею Его да будутъ нынѣ и во вѣки!

Аминь.

Какъ полюбить врага? ¹⁾

(Этико-психологическій этюдъ).

I.

Среди современной сумятицы жизни, когда народилось такое множество политическихъ партій, общественная атмосфера насыщена какою-то нервной раздражительностью, нерѣдко замѣчаемою даже у лучшихъ людей, такъ что часто приходится слышать жалобы на невыносимую тяготу жизненныхъ отношеній. О возможности справедливаго отношенія къ лицамъ, не раздѣляющимъ тѣхъ или иныхъ убѣжденій, хотя и рѣдко, ... но говорятъ. Но о томъ, чтобы братски *полюбить* такихъ людей и, подавши другъ другу руки, совмѣстно работать съ ними, и не помышляютъ. „Да развѣ съ нимъ можно работать... вѣдь, это такой человекъ, такой... я считаю его своимъ личнымъ врагомъ“... Какъ будто нельзя заставить себя полюбить врага, когда у христіанъ существуетъ такой же непреложный законъ, какъ и законъ всемірнаго тяготѣнія, выраженный І. Христомъ въ одномъ словѣ „*возлюбилши*“ (Мѡ. 22, 37). Значить, можно и должно любить даже и врага.

Принципомъ всѣхъ человѣческихъ отношеній должна быть любовь. Онъ указанъ въ словахъ знаменитаго учителя древности, блаженнаго Августина, какъ девизъ жизни по духу: „люби и дѣлай, что хочешь“. Апостолы, особенно Іоаннъ и Павелъ, ставили любовь, какъ добродѣтель, на первомъ мѣстѣ въ ряду христіанскихъ добродѣтелей. Всѣмъ христіанамъ извѣстенъ чудный гимнъ любви, воспѣтый

¹⁾ Чтеніе во Владимирской читальнѣ 7 декабря 1908 года.

безпримѣрнымъ по силѣ словомъ св. Павла. „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не мыслитъ зла, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, на все надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе испразднится..... А теперь пребывають сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше“ (1 Коринѣ. 13).

Слѣдовательно, любовь есть совокупность совершенствъ и въ то же время источникъ, изъ котораго получаетъ свое нравственное значеніе та или иная добродѣтель. Объ ея *исключительномъ* положеніи въ христіанствѣ не можетъ быть спора. „Дайте евангеліе, говоритъ одинъ изъ богослововъ (Бѣляевъ—„Любовь Божественная“), въ руки человѣка, никогда не слыхавшаго о христіанствѣ, спросите его, что служить главной темой христіанскаго ученія, и вы услышите слово „любовь“.

Христіанину заповѣдуется любовь къ Богу, къ ближнимъ, ко всему міру, какъ къ творенію Божію. Мало того. Она заповѣдуется даже къ тѣмъ людямъ, которые своими словами, дѣйствіями, всѣмъ своимъ существомъ показываютъ христіанину, что они не желаютъ его любви, ненавидятъ его, не могутъ ему отвѣтить, если бы онъ первый захотѣлъ придти къ нимъ—его врагамъ—съ своею любовью. „Слышасте, яко речено есть: возлюбихи искренняго твоего, и возненавидихи врага твоего“; „Азъ же глаголю вамъ, говоритъ Спаситель слушателямъ Своей нагорной проповѣди, „любите враги ваша, благословите клебущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгонящихъ вы“ (Мѣ. V, 43—44). Если бы мы услышали такую заповѣдь не отъ Сына Божія, возлюбившаго людей тогда, когда они были еще грѣшниками (Рим. V, 8), а, слѣдовательно, и его врагами, то, кажется, усумнились бы въ возможности исполнить ее, такъ какъ наше грѣшное существо, *повидимому*, имѣетъ право ненавидѣть все, что возбуждаетъ отвращеніе, питать вражду къ тому, что такъ или иначе является

тормазомъ на пути къ нравственному прогрессу и интеллектуальному развитію.

Теперь же мы должны преклониться предъ Божественнымъ Учителемъ, какъ преклонились нѣкогда Іаковъ праведный и первомученикъ архидіаконъ Стефанъ (Дѣян. 7, 60), и постараться выяснить себѣ: какимъ образомъ невозможное, противоестественное на первый взглядъ, становится возможнымъ и естественнымъ при болѣе тщательномъ анализѣ законовъ нашей душевной жизни.

Чтобы любить когонибудь или чтонибудь, во первыхъ, нужно наше влеченіе или потребность, которая есть *primum movens* чувства и сообщаетъ ему извѣстную степень пріятности или непріятности; а во вторыхъ, какъ въ субъектѣ любящемъ, такъ и въ объектѣ любви должны быть свойства, которыя, сочетаясь, образовали бы гармонію. Впрочемъ, дѣйствительно заслуживающихъ любви свойствъ въ объектѣ можетъ быть столько, чтобы они достаточно сильны были возбудить нѣжное влеченіе. А если возбуждено нѣжное влеченіе въ субъектѣ, *то послѣдній*, не имѣя нужды анализировать непремѣнно всѣ качества объекта, такъ какъ любовь въ первичной стадіи своего развитія не нуждается въ полномъ знаніи объекта, *старается его идеализировать. На этой то идеализаціи и создается любовь.*

Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, субъектъ не видитъ никакихъ недостатковъ въ объектѣ своей любви и начинаетъ любить такое существо, которое имѣетъ очень мало сходства съ реальнымъ объектомъ любви. При помощи идеализаціи, субъектъ все болѣе и болѣе начинаетъ приписывать объекту такія качества, которыя поддерживаютъ гармонію и способствуютъ ея развитію,—такъ что, когда любовь достигаетъ высочайшей степени своего развитія, тогда между субъектомъ и представляемымъ имъ объектомъ существуетъ полнѣйшая гармонія.

По тѣмъ же самымъ законамъ развивается противоположное чувство вражды или ненависти. Это чувство, вытекая изъ наблюденія дѣйствительнаго безобразія предмета или изъ такихъ его свойствъ, которыя никогда не могутъ быть приведены въ гармонію съ свойствами субъекта, зависитъ также и отъ работы воображенія. При помощи ея, субъектъ такъ распоряжается свойствами объекта, нисколько не затрудняясь привносить отъ себя въ ихъ группу новыя, что возникаетъ полнѣйшая дисгармонія. Субъектъ, напимѣръ, строго охраняя свое собственное достоинство, нисколько не затрудняется оскорблять своего врага, умалять цѣну его достоинствъ и вслѣдствіе

этого не может желать ему ничего добраго. Когда врагъ радуется, что показываетъ на подъемъ его жизненныхъ силъ, у субъекта возникаетъ чувство особенной неприязненности; и наоборотъ, когда врагъ испытываетъ горе, въ которомъ человекъ становится жалкимъ, такъ какъ оно задерживаетъ развитие жизненныхъ силъ, субъектъ не удивляется его печальному состоянію, не сочувствуетъ ему и даже испытываетъ чувство удовлетворенія. Такимъ образомъ, возникшее, вслѣдствіе дѣйствительнаго безобразія объекта, или несовпаденія натуръ, *враждебное чувство поддерживается воображеніемъ*, при помощи котораго враждебныя личности унижаютъ, обезцѣниваютъ другъ друга, представляють себѣ одна другую достойными презрѣнія и даже отвращенія. Враги при такомъ взглядѣ другъ на друга боятся даже случайнаго согласія. Согласиться съ презираемымъ существомъ—это значитъ усвоить одинъ изъ такихъ взглядовъ, который уже по одному тому, что принадлежитъ презираемому существу, заслуживаетъ презрѣнія. Поэтому враги привыкають противорѣчить другъ другу. „Дисгармонія здѣсь, по словамъ проф. Владислава лева, простирается на самыя главныя и существенныя стороны существъ и ихъ бытія и при томъ бываетъ неразрѣшима ни въ какую гармонію“.

Не смотря, однакожь, на непреодолимую почти трудность—питать любовь къ своимъ врагамъ, люди, при помощи объективнаго сознанія, путемъ чисто теоретическимъ могутъ дойти до идеи любви универсальной, изъ числа предметовъ которой не исключаются ни обидчики, ни враги. Такъ, напримѣръ, Платонъ (въ Критонѣ), и Цицеронъ (*de officiis*, 1, 25) рекомендовали кроткое обращеніе съ обидчиками, что, конечно, имѣетъ серьезное значеніе для историковъ морали.

Но... дойти путемъ чисто теоретическимъ до признанія той или другой истины за нравственное предписаніе—не значитъ еще придать ей силу нравственнаго требованія, обязательнаго для воли. Для теоретическаго признанія извѣстнаго положенія за истинное нужно только согласіе съ нимъ нашей мысли. Чтобы истинное положеніе сдѣлалось для насъ нравственнымъ предписаніемъ, обязательнымъ для воли, для этого требуется, чтобы оно способно было возбудить въ насъ душевное волненіе, въ связи съ какимъ-нибудь естественнымъ влеченіемъ, опредѣленнымъ исходомъ изъ которыхъ былъ-бы актъ воли. Вотъ почему почти достойныя христіанскихъ учителей, изреченія философовъ до-христіанскаго міра не могли улучшить самой нравственности,—*имъ недоставало внутренняго начала жизни*.

Главными принципами нравственной дѣятельности были: никому не вреди, воздавай каждому должное. Дальше этого нравственность до-христіанскаго міра, какъ видно изъ этихъ принциповъ, отличающихся пассивнымъ характеромъ, идти не могла. Не можетъ она идти дальше и въ современномъ обществѣ до тѣхъ поръ, пока это общество не восприметъ внутреннее начало жизни, дарованное Христомъ.

Естественный человѣкъ съ объективнымъ сознаниемъ можетъ лишь справедливо относиться ко врагу, *подавляя* усидіемъ воли вызываемое его личностью и дѣйствіями *отвращеніе* и *выдвигая* на первый планъ его *человѣческой достойности* и уважая его *человѣческую личность*, но... полюбить врага положительно невозможно... Дальше признанія за врагомъ права на уваженіе мысль чистаго разума не простирается. За то для христіанина въ этой оцѣнкѣ отношеній ко врагу кроется зародышъ любви къ нему, и что естественному человѣку стоитъ громадныхъ усилій воли, то христіанину подается туне предваряющею благодатію, которая, по ученію богослововъ, извлекаетъ человѣка изъ узы грѣха и поставляетъ на точкѣ безразличія между добромъ и зломъ. Всѣ воли стоятъ въ уровень и самъ человѣкъ свободно можетъ склонить ихъ въ ту или другую сторону.

Поэтому, кто дѣйствительно желаетъ полюбить врага, тотъ долженъ перейти на христіанское рѣшеніе этой задачи. Вся бѣда въ томъ, что *современное общество рѣшаетъ поставленный вопросъ советемъ по язычески, вовсе забывая христіанскій принципъ.*

(Свящ. В. Сокольскій.)

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу

объ упрощеніи воспитанія въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Въ своемъ отвѣтѣ на нашу статью въ защиту епархіальныхъ женскихъ училищъ («Извѣстія...» 1908 г. №№ 37 и 38) священникъ П. М. РUFимскій въ № 43 (1249—54 стр.) старается увѣрить читателей, что онъ не врагъ епархіальнаго училища и не недоброжелатель его воспитанницъ, что подобные ярлыки наклеилъ на него о. Владимірскій.